

Кругозор

8
1964

**Единство
необходимо
для рабочего
класса...**

**Разрозненные
рабочие – ничто.
Объединенные
рабочие – все.**

В. И. ЛЕНИН

100

ГОЛОСА НАШЕЙ БИОГРАФИИ

Жак ДЮКЛО,
член Политбюро ЦК ФКП

Сто лет назад в Лондоне было основано Международное Товарищество Рабочих — Первый Интернационал. Карлу Марксу было поручено составить Учредительный манифест. «Завоевание политической власти стало... великой обязанностью рабочего класса», — говорилось там.

Этот документ был по форме более умеренным по сравнению с «Манифестом Коммунистической партии». Маркс писал Энгельсу 4 ноября 1864 года: «Требуется время, пока вновь пробудившееся движение сделает возможной прежнюю смелость речи».

Необходимо было создать ситуацию, которая позволила бы сделать достойным рабочего класса идеи научного социализма, развитые в «Коммунистическом манифесте». Его призывные заключительные строки — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — были повторены в Учредительном манифесте.

Первому Интернационалу пришлось выдержать испытание, определив свое отношение к столь значительному событию, как франко-прусская война 1870 года. И он его выдержал, поставив на первое место интересы международного рабочего движения.

Карл Маркс помог своими советами Парижской коммуне — духовному детищу Первого Интернационала; он восславил героизм парижских коммунаров, о которых говорил, что они были готовы «штурмовать небо».

Благодаря Первому Интернационалу произошло соединение марксистской идеологии с наиболее передовым рабочим движением капиталистических стран. Первый Интернационал сыграл решающую роль в создании массовых рабочих партий в различных странах.

Второй Интернационал, возникший в 1889 году, погубил себя, увязнув в трясине политики «войны до победного конца» в период 1914—1918 годов.

Октябрьская социалистическая революция 1917 года открыла новую эру в истории человечества. В. И. Ленин основал Третий Интернационал, дав-

ший возможность организовать мощные коммунистические партии, политика которых основана на принципах марксизма-ленинизма.

Именно в соответствии с учением марксизма-ленинизма соотношение сил изменилось в пользу социализма, именно в соответствии с ним коммунисты борются за единство международного рабочего движения, за мир, за удовлетворение требований народных масс, за демократию, за победу социализма, за грядущий расцвет коммунистического общества, строящегося в Советском Союзе.

Звуковую страницу подготовил
наш корреспондент А. Хазанов.

На второй странице обложки — рисунок американского художника Хьюго Геллерта из серии иллюстраций к «Капиталу» Карла Маркса.

ВАМ СНИТСЯ

В. ПЕСКОВ

Фото
Б. Кузьмина,
М. Савина,
Г. Зельмы

Дождевые капли ползут по стеклу. Рано приходит вечер. Что снится вам долгой осенней ночью? Может быть, белые лилии и пляска поплавок на воде? Может быть, лесная дорожка, пестрая от солнечных зайчиков? Запах грибов или запах нагретой солнцем пшеницы? Запах первого огурца с огорода и запах яблок в августе? Вы помните летний сад? Яблоки, как фонари, висят в темной листве и вдруг — не от ветра, а оттого, что пришло время падать, — яблоко падает: тук! И опять тишина. Звезды чертят по небу полосы, падают в траву и превращаются в светлячков. Был и дождливый день. Вы тогда вымокли, но сейчас вспоминаете с удовольствием об этом дожде. Сушили куртки на поляне в лесу, варили на костре молодую картошку. А какие грибы пошли после дождя! Полные корзины белых и подосиновиков...

А может, вам снится степное лето? Помните желтое поле подсолнухов и голубое

ЗАМЕТКИ
НА ПОЛЯХ

2230 + X ЭКСПЕДИЦИЙ

Почему «икс»? Потому, что все экспедиции учесть невозможно. Этим летом одни университеты послали 1200 экспедиций. Академия наук — 630 только биологических и Комитет по координации научно-исследовательских работ — 400 географических экспедиций. Маршруты? Весь СССР. Хотя должность Колумба отныне перешла к космонавтам, на земле еще очень много «марсианских» мест.

цветенъе фацелий, грузови-
ки с хлебом на дороге, жгу-
щей подошвы...

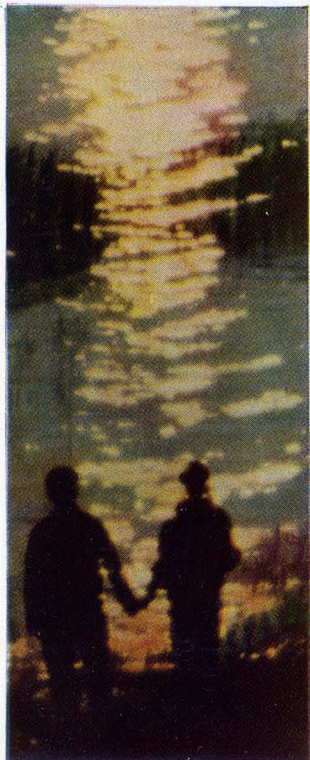
Может, вы были у моря. У
Белого или у Черного. И ва-
ша память хранит крик ча-
ек, гудки пароходов в синем
тумане и шелест волны...

Вы жили в палатке и пили
воду из горного ручейка. На
руках мозоли от весел. В ва-
шем рюкзаке дырка, про-
жженная у костра.

А может... Да мало ли где
вы побывали! Хорошее было
лето.

Остатками летнего празд-
ника горят сейчас на опуш-
ках рябиновые костры. Шур-
шит дождь на оконном стек-
ле. Но где-то там, за тучами,
ходит над землей солнце.

ЛЕТО ?

ШЕСТНАДЦАТЬ КОЛЕЦ „ВОСХОДА”-

СУТКИ XX ВЕКА

НАШИ МИКРОФОНЫ В КОСМОСЕ И НА ЗЕМЛЕ.

Сутки наш корреспондент Д. Морозов слушал на радиостанции переговоры с космическим кораблем «Восход». Вот отрывки из диалога Земля — Космос.

— Я «Рубин». Слышали, как Левитан говорил о нас... Примите радиogramму: «Советскому народу — строителю коммунизма, пионеру освоения космоса — пламенный привет!» Как слышите? Прием!

Земля давала им советы и представления, спрашивала о ходе работ и экспериментов. Не надо быть специалистом в области космической техники, чтобы разобраться в интонациях. Вот приближается желанный для миллионов телезрителей момент.

ЗЕМЛЯ: Просим быть поглубже в креслах, чтобы быть в фокусе телевизионных камер. Глубже сядьте.

РУБИН: Поняли вас. Сели глубже. Показывайте. — Голос В. М. Комарова звучит так, будто командир корабля совсем рядом, занимается обычным делом.

...Скоро последний виток. Космонавтов вызывает Главный конструктор.

ЗЕМЛЯ: Готовьтесь к заключительному этапу программы...

РУБИН: Просим оставить еще на сутки!

ЗЕМЛЯ: Не было такой договоренности.

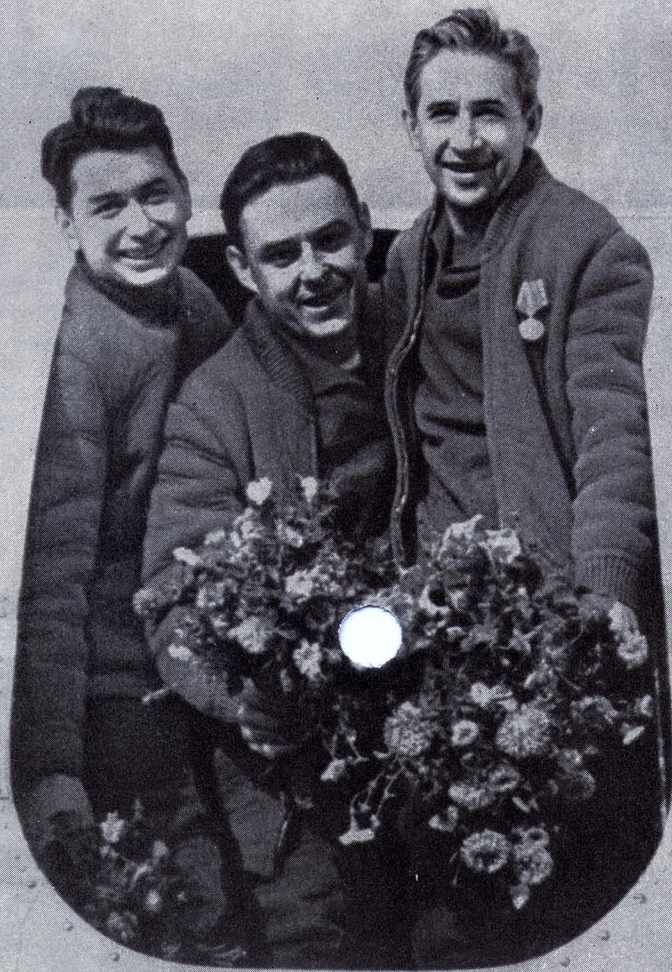
РУБИН: (молчит).

В эфире наступает пауза. Кто-то замечает: «Совещание, наверное, проводят. Как-никак экипаж». Наконец, снова из космоса:

РУБИН: Много интересного встретили. Разрешите все-таки остаться.

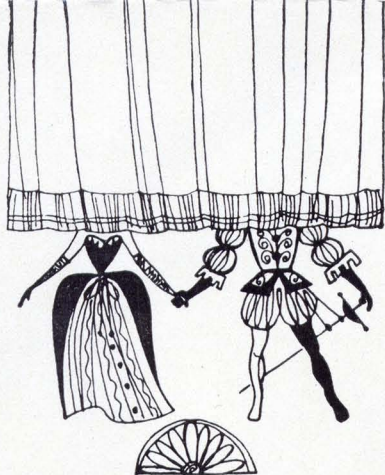
ЗЕМЛЯ: Много есть, о друг Горацио, чудес на свете! — словами Шекспира отвечает Главный. — Всего не охватишь... Будем работать по программе.

РУБИН: Работаем по программе... Впрочем, достаточно стенограммы. Перефразировав известную поговорку, скажем: лучше один раз услышать, чем сто раз прочесть...

Звезда, голубая сестра моя,
самая тихая, добрая самая,
ты знаешь, скоро свидание!
Самое главное. Самое дальнее.

Как тянутся зимы к веснам,
к любимой — тот, кто любим,
так тянутся красные звезды
к сестрам своим голубым!

МИЛАН

в них портреты знаменитых итальянских певцов: Беньямино Джильи, Джакомо Лаури-Вольпи... Последняя ниша долгое время оставалась пустой.

Совсем недавно трактирщик повесил в ней портрет тенора Франко Корелли. В итальянском оперном театре появился младший брат Карузо, так окрестили Корелли критики после его триумфального выступления на оперных сценах мира.

Корелли родился в Пезаро. Там же, где Джоаккино Россини. Кроме

того, он однофамилец великого итальянца Арканджело Корелли, родоначальника итальянской скрипичной школы.

И молодой певец словно унаследовал от своих предшественников исключительную чистоту и красоту стиля.

Путь его в искусстве — путь постоянной и неутомимой работы. Консерватория в Пезаро, уроки у Лаури-Вольпи. Несколько лет назад Корелли буквально ворвался на оперный Олимп Италии, став ведущим тенором театра «Ла Скала».

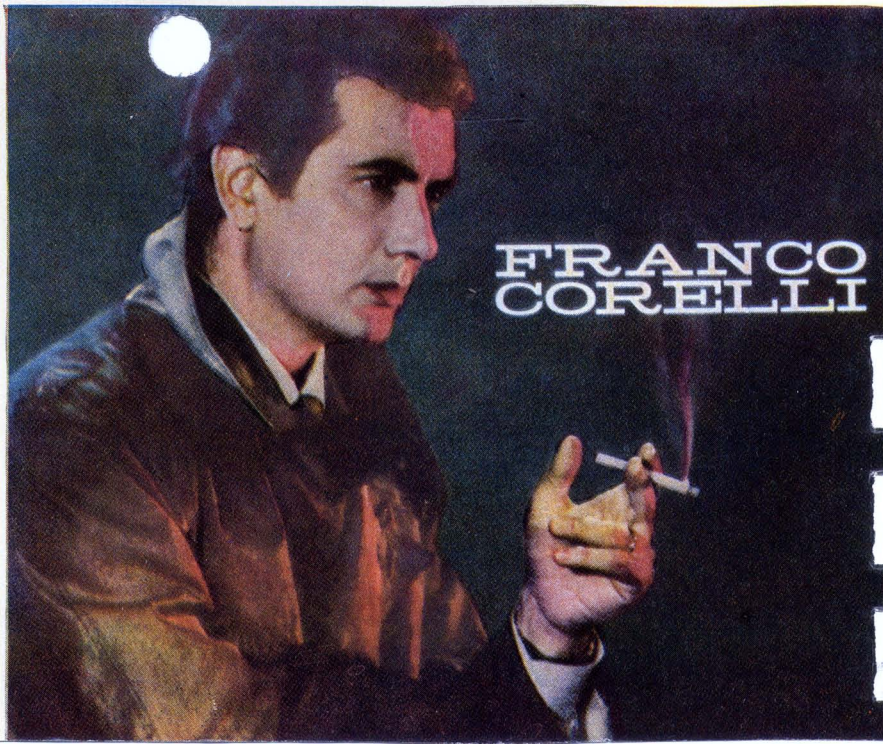
НА КОГО УКАЗЫВАЕТ МУЗЫКАЛЬНЫЙ БАРОМЕТР

Джулио ФАББРИ,
итальянский журналист

Когда в итальянских музыкальных кругах обсуждают новую восходящую звезду на оперном небосклоне и не могут прийти к единому мнению, то часто в шутку прибегают к помощи «болонского музыкального барометра». Так ценители голосов и хорошей кухни зовут тучного трактирщика, известного страстью к опере не меньше, чем своими спагетти. Ниши обширного зала ресторана он превратил в алтари своей меломании, поместив

«Какие силы
были
у этого
человека!
Что бы сделать
он мог!»

Лев Толстой

поэт

В 1958 году мне захотелось написать рассказ о Лермонтове и Пушкине. Меня заняла мысль, почему Лермонтов, который боготворил Пушкина, не был знаком с ним. Мне нужно было посмотреть на Неву, на Мойку, и я поехал в Ленинград.

Темен этот город в конце декабря, быстры в нем слабые дни и медленны ночи. И вот в один из таких дней я долго сидел в гостинице, смотрел на Исаакий, ждал, пока рассветет, но все не рассветало, а когда настал день, я пошел в дом Пушкина на Мойке.

У всех русских есть какое-то горькое, вековое сожаление о Пушкине, даже вроде бы чувство вины... Пушкина убили, а он был молод, тридцать восемь лет — это ли возраст для писателя! Тридцать восемь лет ему было, вот что страшно, вот что нас мучит и сейчас.

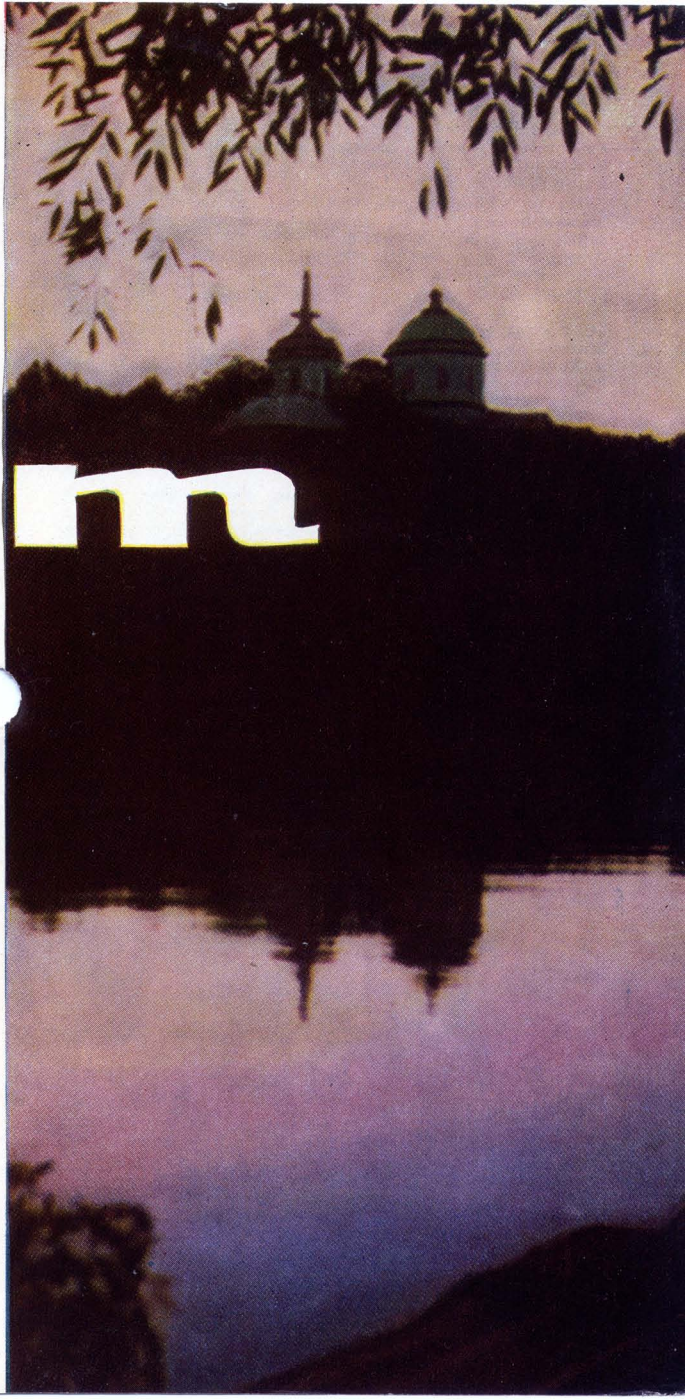
Лермонтову же было неполных двадцать семь.

Образ его смутен, загадочен для нас. Это потом уже, когда стал он мертв и гениален, как о далекой звезде, говорили о нем, что был он хорош, обаятелен и велик во всяких своих поступках. Потом, когда друзья и не друзья кинулись припоминать, то припоминали только хорошее и много при этом привирали.

Зато когда он был мальчиком еще, когда был гвардейцем, гусаром, поэтом только для друзей, всерьез его никто не принимал. Упоминания о нем в письмах и дневниках его знакомых были редки и почти всегда неприязненны.

Царь его ненавидел, причем ненавидел открыто, открыто. Почему? Не любил царь и Пушкина, но тому многое спускал. К Лермонтову он был жесток. По одной версии, узнав о смерти

Лермонтово (Тарханы) ►
Фото Я. РЮМКИНА

несносного поручика, царь сказал: «Туда ему и дорога!», по другой — «Собаке собачья смерти!»

Лермонтов собирался выйти в отставку. Он был гусаром в полном смысле этого слова. Он устал к двадцати шести годам и жаждал заняться литературой.

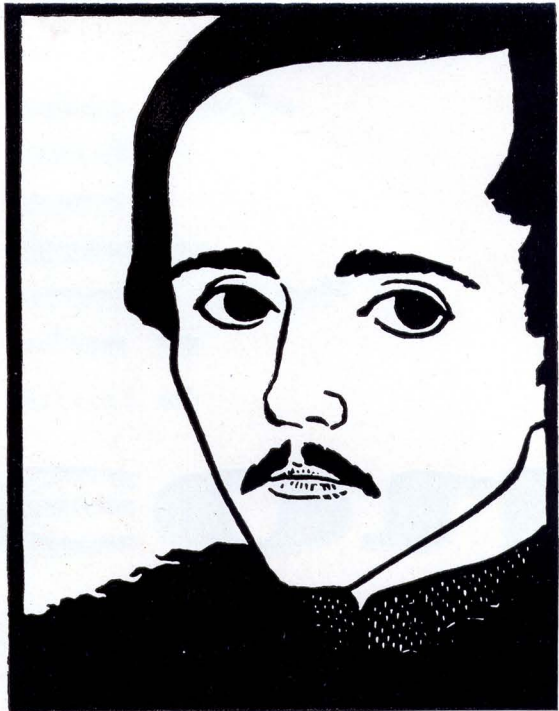
Не то удивительно, что поэт устал от службы. Удивительно, как он успевал, таскаясь по российским дорогам, по Кавказу, стоя в нарядах, пируя с друзьями, — как он успевал писать свои высокие горчайшие стихи!

Мало того, он задумывал уже исторический роман. Эпоха Екатерины II, Отечественная война 1812 года и современная ему жизнь — вот содержание его будущего романа. Он хотел эпопеи. Это о нем говорил долго спустя Лев Толстой: «Вот кого жаль, что рано так умер! Какие силы были у этого человека! Что бы сделать он мог!»

Все это хорошо известно, и я лишний раз напоминаю, потому что действительно страшно подумать, что бы написал еще этот изжелта-смуглый поэт с сумрачными глазами.

Но какой бес сидел в нем, какой рок, какая судьба гнали его все ближе, ближе к обрыву на Машуне? Зачем едва прощенный, опальный армейский офицер тотчас по прибытии своем в Петербург появляется на балу у Воронцовой, в присутствии Михаила Павловича? Зачем почти тотчас дерется он на дуэли с Барантом? Мало ему было Кавказа на первый раз? А он знал ведь из «Свода военных постановлений», что участники дуэли и их секунданты рассматриваются как «умышленные убийцы» и им грозит, как крайняя мера, «лишение всех прав состояния, наказание шпицрутенами и ссылка в каторжные работы!»

Наконец, что ему был Мартынов? Неужели в нем он видел врага, неужели в Мартынове для

него слились российское крепостничество, удушливое самодержавие, цензура, жестокий свет — словом, все, что он ненавидел?

Совсем не то было в деле с Пушкиным. Тому Дантес был враг, личный; и недаром, уже смертельно раненный, лежащий на снегу, он все-таки стрелял в Дантеса и, когда попал, подбросил в радости пистолет и закричал: «Браво!» А тут? «Ведь и Мартышка, Мартышка здесь!» — радостно говорил Лермонтов Столыпину в первый же день свой в Пятигорске. А в день дуэли — почти мирная беседа, когда ехали они верхом к обрыву бок о бок.

И опять, опять, как в случае с Пушкиным, друзья не смогли удержать его от рокового шага. Да и были ли у него там, в Пятигорске, друзья, то есть люди, которые понимали бы, на кого они все вместе, по выражению того же Лермонтова, «в сей миг кровавый» поднимали руку?

И никто не написал о нем, как Одоевский о Пушкине: «Солнце русской поэзии закатилось...» Глухо дошла в Петербург весть о смерти поэта. А между тем, Лермонтов был именно солнцем поэзии. И после смерти Пушкина не было на Руси поэта блистательней, чем Лермонтов.

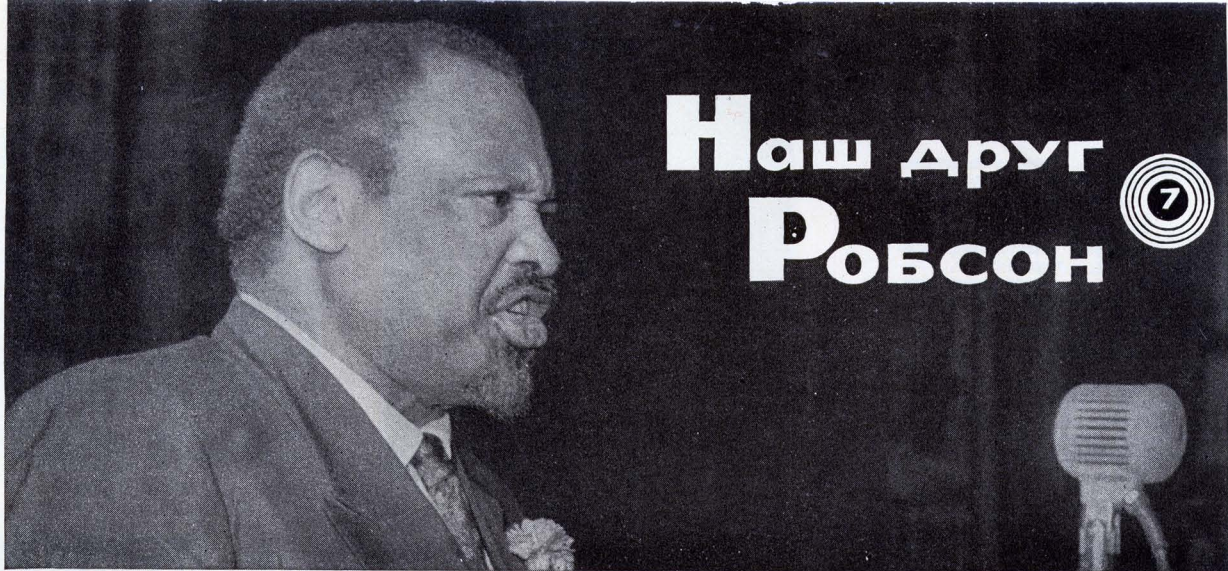
Юрий КАЗАКОВ

Фрагмент рисунка М. Ю. Лермонтова.

На звуковой странице: В. И. Качалов читает стихи Лермонтова.

Наш друг Робсон

Кто слышал Поля Робсона хоть однажды, не забудет его голос. Мы хорошо знаем этого большого человека с глазами мудреца и улыбкой ребенка, великого певца и мужественного гражданина, чье имя стало в Америке символом борца за свободу. Робсону запрещали выступать на родине. Семь лет перед ним были закрыты концертные залы Америки, но он пел на собраниях, на митингах, пел для народа. Ни запреты, ни преследование не в силах были заглушить его голос.

И только болезнь заставила Робсона на время прервать работу.

И вот пришло сообщение: наш друг Поль Робсон снова в строю! Недавно в Нью-Йорке на митинге, посвященном памяти одного из видных деятелей американской компартии Бенджамина Дэвиса, прозвучала пламенная речь Робсона.

Сегодня вы встретитесь с известным негритянским певцом на звуковой странице нашего журнала.

ЭКИПАЖУ «ВОСХОДА»

Приснился мне листвы горячей шепот,
И вижу я сквозь сумрак голубой:
Стартует в космос дагестанский тополь,
Чтобы шуметь у вас над головой.

Он, чтобы с вами в жизни не расстаться,
Летит, не отрываясь от Земли,

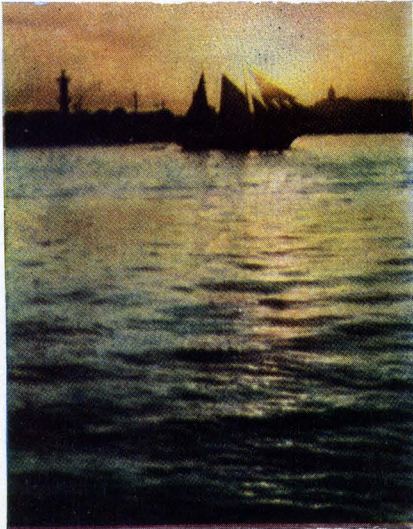
Чтоб ваших рук и ваших щек касаться,
Чтоб вы дышать его листвою могли,

Чтоб вам всегда под звездами казалось
В немыслимой, в заоблачной дали,
Что вы с Землей совсем не расставались,
Со всем не отрывались от Земли.

Стихи Адиллоо перевел с аварского
А. Заяц.

Ю. ВИЗБОР

Реке Неве — тысячелетия. Городу Ленинграду — 261 год. Борису Полоскину — 31. Им всем очень хорошо сегодня вместе в белую ночь, которую празднует город-памятник, город-поэт, город-рабочий, город-ученый. Чайки сидят на невской воде. Воднолыжники расплескивают дорожку ночного солнца. Петропавловский шпиль проткнул небо и блестит, начищенный мастером спорта по альпинизму трубочистом Костей Клецко. А над шпилем, отбрасывая вниз золото ночи, акульным брюхом разворачивает-

ся к ленинградскому аэродрому «ТУ-104».

— Вода... — говорит Борис. — В поисках энергии мы лезем под землю, чтобы достать оттуда уголь. Ставим на холмах ветряные мельницы. Перегораживаем бетонными стенами реки. Высасываем из-под пустынь нефть. Неандертаец считал себя нищим без шкуры. Через столетие количество современной энергии покажется нам нищенским. А энергия будущего — вот она. Капает с неба. Вода — дейтерий — термоядерная реакция. Эта элементарная формула не дает покоя физикам. Солнце в печке — вот что мы ищем.

Мимо прошли девушки. Моты разводят в половине тре-

ПРОСПЕКТ БЕЛЫХ НОЧЕЙ, КОТОРЫЙ ПРОХОДИТ

Фото В. САККА

**ЗАМЕТКИ
НА ПОЛЯХ**

ПРИШЕЛЬЦЫ ИЗ ЗАТЕРЯННЫХ МИРОВ

Современники зверошчеров через немислимый промежуток времени — 200 миллионов лет — ожили в лаборатории в совершенно иной обстановке, при ином климате!

Окраска калийных солей в соляной шахте ни для кого не

была загадкой. Окислы железа, говорили ученые с мировым именем. И вдруг Николай Константинович Чудинов, старший инженер Березниковского калийного комбината, делает открытие. Нет, не окислы железа придадут солям красный и голубой цвета, а водоросли и организмы, которые миллионы лет пролежали «замурованными» в необычной питательной среде (считалось, что соленые растворы убивают все живое).

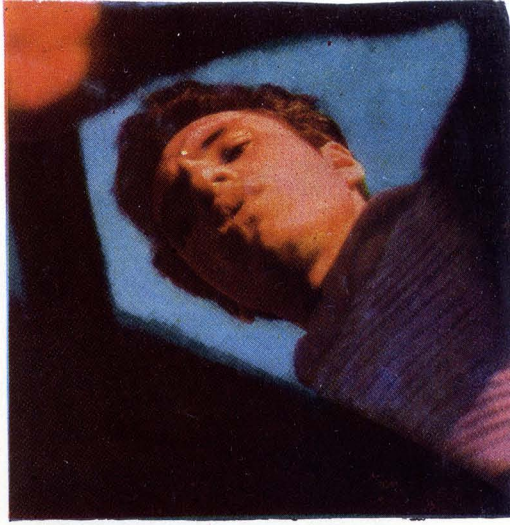

Человек на костылях остановился и пропустил ребят.

Шла ночь с 21 на 22 июня, самая короткая и самая белая в году, ночь летнего солнцестояния.

Двадцать три года назад в эти часы на спящий Крещатик уже падали бомбы. И потом дети прекрасного Ленинграда стали «блокадными детьми». Всех увести не смогли. Возвращенные на черном хлебе, крапивном супе и невской рыбке-корюшке, они видели то, чего не показывают в самых драматических кинофильмах.

Кем стали теперь эти крохи, закутанные в теплые материнские платки?

ЧЕРЕЗ ВСЬ ЛЕНИНГРАД ОТ МАЯ ДО ИЮЛЯ

тьего, и девушки спешили и Дворцовому. Они пели:

В двадцать лет нет любви и не будет.
В тридцать лет нет ума и не будет.

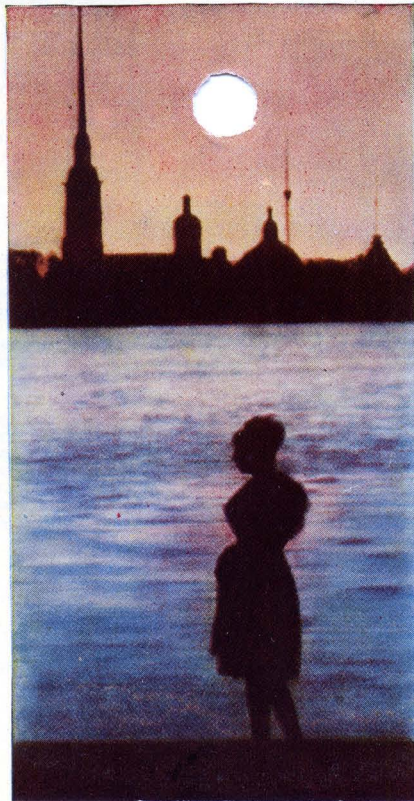
Девушкам до этого критического возраста еще далеко. А у Бориса и его товарищей — перевал жизни. Середина годовечьяго века. Время летнего солнцестояния. Белая ночь.

Но Боря, наверно, подумал не об этом. Он сказал:

— Если б ты только видел, как лезет плазма через стенки магнитного поля! Какой это лютой зверь! Никакими формулами не описать!

Прошел человек, опираясь большими загорелыми руками на костыли. Его нагнала группа парней с гитарами:

А ночью мчались машины вереницей
И лед на Ладоге трещал,
Грузили хлеб для северной столицы,
И Ленинград нас радостно встречал.
Эх, Ладога, родная Ладога...

Вот они перед вами на фотографиях.

Геолог Александр Городницкий сфотографирован в далекой экспедиции. Его самое любимое место в Ленинграде — мост лейтенанта Шмидта; от этого моста начинались все его дороги — в Киргизию и в Канаду, на Кубу и на льдину в море Лаптевых.

Механик Валентин Вихорев — поэт и акванавигист, сын защитника Ленинграда, погибшего в сорок первом на Средней Рогатке.

Физик Борис Полоскин, как видите на снимке, инструктор не только по туризму, но и по песням.

А инженер-строитель Евгений Клячкин различается с гитарой разве что на работе.

Всем четвертым сейчас по тридцать. Все любят петь и сочиняют песни. С ними мы познакомились на Проспекте Бельих Ночей, который не нанесен ни на один из планов Ленинграда, но, подобно главной улице, тянется через весь город от мая до июля.

Судьба человека

Всем смертям назло

Ростислав АРСЕНЬЕВ

Помните книгу Леонида Соболева «Морская душа»? Там есть документальный рассказ «Батальон четверых». Герой его — черноморский моряк Михаил Негреба вместе с тремя товарищами-десантниками проходит сквозь злую битву в тылу врага. Рассказ кончается так:

«...И они встали в ряд — четыре человека в полосатых тельняшках, в черных бескозырках, окровавленные, перевязанные обрывками форменки, но сильные и готовые снова пробиваться сквозь сотни врагов.

И, видимо, сами они поразились своей живучей силе. И Перепелица сказал:

— Один моряк — моряк, два моряка — взвод, три моряка — рота... Сколько нас? Четверо?.. Батальон, слушай мою команду: шагом... арш!»

Батальон четверых. Негреба — второй справа.

И зашагали четыре моряка по дорогам войны. Где после этого пролегли их следы? Вопрос не праздный, ведь эти четверо, по свидетельству самого писателя, были не литературными образами, а реальными, живыми людьми — такими, какими вы видите их на фотографии 1941 года.

Много раз в письмах к Леониду Соболеву читатели, полюбившие Негребу, спрашивали о том, что было с ним дальше.

«И вот этого человека я потерял, — вспоминает Леонид Соболев. — и долгие годы, два десятка лет, был уверен, что его не существует на нашей планете. Потерял потому, что через полгода после того, как мы с ним встретились, мне сообщили, что Михаил Негреба погиб в осажденном Севастополе, на Херсонесском мысу...»

Не всякий человек может рассказать о своей смерти. А Михаил Макарович Негреба пережил не одну смерть.

Нет, не погиб он тогда в самом пекле на Херсонесском мысу, прикрывая огнем отходящие транспорты. А было вот как.

Впереди — враг, позади — море. Не хватало гранат, не хватало патронов. Здесь воевали и мертвые — из трупов складывали баррикады. И даже когда ушел из Севастополя на Большую Землю последний советский транспорт, еще три долгих дня держался Херсонесский маяк. На рассвете четвертого Негреба с товарищами схоронил командира, сраженного осколком снаряда.

Нет, не погиб Михаил тогда на мысу у маяка. Но судьба уготовила ему столько испытаний, что их с лихвой хватило и на десять человеческих жизней. Измученный, истощенный, считался он по фашистским концлагерям. Шесть побегов, шесть надежд на свободу. Негреба жил, хотя еще трижды был похоронен в архивах гитлеровского командования: «умер» в пересильной тюрьме, «расстрелян» в горловском шталаге и лагере для военнопленных в польском пограничном городе.

На какой-то станции их вышвырнули из вагонов на платформу. Негреба прочел название: Маутхаузен.

«Отсюда выход только через «люфт» — воздух».

— Раздеваться!
В неуправляемой ярости, не видя ничего, кроме стоящих впереди скотов, рванулся Негреба вперед...

Взбунтовался Маутхаузен. В ту же ночь гитлеровцы перевезли всех «опасных» в австрийский город Линц, в концентрационный лагерь «Линц-драй».

Но и отсюда пытается бежать узник № 1378. Вместе с двумя чехами по канализационной трубе в плаву. Поймали, избili до бесчувствия и полумертвого бросили в камеру. Два товарища Негребы умерли той же ночью от побоев. А его наутро ждала виселица.

Об этой смерти Негреба смог рассказать сам...

ГОЛОС М. М. НЕГРЕБЫ ВЫ
УСЛЫШИТЕ НА ЧЕТВЕРТОЙ
ЗВУКОВОЙ СТРАНИЦЕ.

Всем смертям назло

Послесловие, которое можно считать новой главой в жизни Негребы.

Долгое время они существовали порознь — живой человек и литературный герой. Правда, я этого не знал, в моем воображении жил герой моряк. И вот неожиданно два образа соединились.

Это произошло в городе Краснограде. Я приехал на шахту, где работала бригада Тимошука. И бригадир сказал:

— Негреба предложил новый метод...

— Какой Негреба? — крикнул я.

— «Морская душа!» Читали?

— Однофамилец?

— Он самый и есть! Михаил Негреба. Почетный шахтер Львовско-Волынского бассейна.

...Когда об этом узнал писатель Соболев, он написал Негребе письмо:

«Вы, думаю, можете понять, с какой радостью я узнал, что вы живы, здоровы и находитесь на родине. Обнимаю вас и поздравляю!.. Ваше имя знают миллионы читателей у нас в стране и за рубежом, и потому мне очень хочется встретиться с вами и написать продолжение вашей биографии. Ваш Леонид Соболев».

Взгляните еще раз на фронтовой снимок. На матросской робе Негребы орден Ленина. На дорогах войны, в плену орден № 7479 был потерян. Но нашлись люди, которые не дали ему пропасть; орден был вручен М. Негребе. Кто эти люди? Пока мы не знаем. Возможно, участники этих событий — читатели и слушатели «Кругозора» — допишут историю величия человеческого духа.

Встреча через 20 лет. М. Негреба и Л. Соболев.

Ашот ГРАШИ

Красная гвоздика — света снопы,
красная гвоздика — цвет нашей судьбы!

Красная гвоздика —
капля огня,
так цветы, гвоздика, солнце храня!
Я хочу, чтоб вечно гвоздика цвела,
я хочу, чтоб сказкою жизнь была.
Чтоб ей, гвоздике,

не ведать смерть,
чтобы на груди ей вечно гореть.

Красная гвоздика —
сердце во мне.

Красная гвоздика —
земля в огне.

Это знамя красное дало
ей цвет!

Красная гвоздика —
надежды свет.

Так прими бессмертье,
красный цветок!

Так гори на Запад
и на Восток!

Перевел с армянского
В. Цыбин.

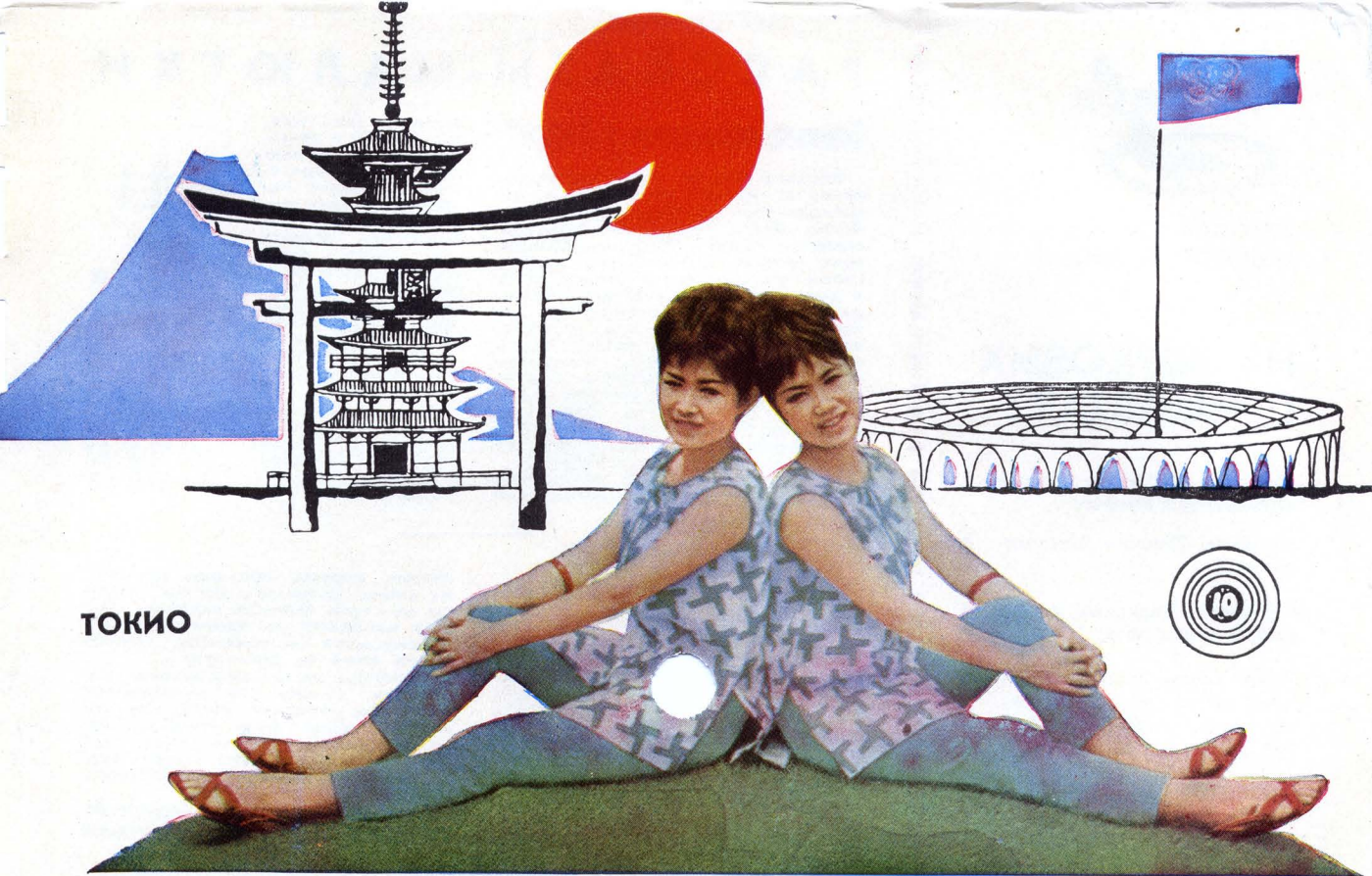
Борис СЛУЦКИЙ

Целый класс читает по слогам
хором. Что-то новое и важное.
Шелестит торжественно бумажное,
весело душевное поет.

Души формируются отважные,
зрелость постепенно настает.

Зрелость постепенно наступает,
словно осторожный командарм,
а покуда — целый класс читает,
целый класс

читает по слогам,

ТОКИО

«ОРЕШКИ» ПОЮТ ОЛИМПИЙЦАМ

Если место в центре Токио, где живут олимпийцы, называют деревней, то что же поют у ее околицы? Японский Олимпийский комитет задумался и над этим. Одними из первых в музыкальную программу попали песни, которые исполняют сестры Пинац.

«Пинац» — в переводе орешки. Это псевдоним сестер-близнецов — Эми и Юми Ито. Их трудно отличить друг от друга.

Эми и Юми родились в сорок первом году. В восемнадцать лет

дебютировали в одном из клубов родного города Нагоя. Тогда они пели всего три-четыре песни, в том числе «Подмосковные вечера». А вскоре голоса сестер зазвучали по радио, телевидению, на пластинках.

«Своей популярностью мы обязаны прекрасным песням, пришедшим в Японию из Италии и Советского Союза, из Франции и Латинской Америки», — сказали как-то Эми и Юми. Но, конечно, они исполняют и песни японских

композиторов. На звуковой странице вы услышите «Каникулы любви». Песня написана известным композитором Ясуси Миягава. В ней рассказывается о влюбленных, которые проводят отпуск на берегу моря.

Конечно, не все спортсмены, вернувшись из Японии, смогут сказать: «Я поднимался на Олимпийский пьедестал почета». Но многие скажут: «Я слышал Пинац».

В. ЦВЕТОВ,
корреспондент АПН

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

НА ЗВУКОВЫХ СТРАНИЦАХ:

- «Восход» — Земля. Наши 1
микрофоны в космосе.
- Эстафета Первого Интерна- 2
ционала.
- С Борисом Чирковым по зве- 3
нящим далям лета.
- Герой книги Леонида Собо- 4
лева «Морская душа» рас-
сказывает о своей необыч-
ной судьбе.
- Знакомьтесь: воронежская 5
певица Мария Мордасова.
- Франко Корелли — млад- 6
ший брат Карузо.
- Встреча с Полем Робсоном. 7
- Лирические премьеры. 8
- Интервью, которые нельзя 9
пропеть... Интервью-песни.
- Музыкальное путешествие 10
от польского города Сопо-
та до столицы Олимпиады
Токио.
- В. И. Качалов читает стихи 11
Лермонтова.
- Земля—«Восход». Наши ми- 12
крофоны на земле.

ИЗДАТЕЛЬ: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР ПО РАДИОВЕЩАНИЮ И ТЕЛЕВИДЕНИЮ

РАССКАЗЫ-МАЛЮТКИ

Сколько позвонков у Астры?

Недавно Московский зоопарк получил в подарок от ленинградцев трехлетнюю жирафу по кличке Астра. Долго мы думали, как доставить Астру? Высота — больше трех метров, в вагон не влезет, своим ходом тоже не дойдет, хотя и длинноногая. Для Астры соорудили огромную клетку-дом. Автокран поставил ее на траллер, подъехал мощный тягач. Очло суток продолжалось путешествие. Жирафа спокойно стояла всю дорогу, с любопытством осматривала окрестности. Вела она себя спокойно, потому что не была поймана в Африке, а три года назад родилась в зоопарке.

Один из посетителей, посмотрев, как Астра поедает подвешенные

веники (ее норма — до 50 в день), пришел в дирекцию и поинтересовался, сколько позвонков в шее жирафы. «А вы как думаете?» «Наверное, штук сто!» «Ошибся товарищ, и немало. У человека и млекопитающих, независимо от длины шеи, всего семь позвонков. Разница только в величине.

Если позвонок мыши примерно со спичечную головку, то позвонок жирафы с добрый батон хлеба.

Когда еж колючий?

Когда ежин становится колючим? Этого не знали даже работники зоопарка. Все, кто наблюдал за

ежами, видели, как они таскают на своих колючках листья, фрукты из садов. Меньше известно, что ежи нападают на ядовитых змей, перекусывая им позвонки, причём яд на ежей не действует.

Однажды мы рассматривали маленьких, только что родившихся ежат. Мы обратили внимание, что голые тельца ежат покрыты бородавочками. Что это такое, что будет дальше? Минут через тридцать из них выросли колючки.

И. СОСНОВСКИЙ,
директор Московского зоопарка

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

- О чем могут рассказать 33 золотых зерна.
- Майя Плисецкая в новой роли Жар-птицы.
- Последняя запись С. Маршака.
- Новые песни: наше музыкальное путешествие.

Звуковые страницы изготовлены Государственным домом радиовещания и звукозаписи и Всесоюзной фирмой «Мелодия». На первой странице обложки плакат Б. Климова и И. Пяткина.

На четвертой странице обложки: Борис Полоскин, физик (см. в номере «Проспект белых ночей»). Фото В. Сакна.

Художник В. Щапов.

Адрес редакции: Москва, Пятницкая ул., 25.
Телефоны редакции: В 3-74-42;
В 3-74-59.

В 03738. Подп. к печ. 17/X 1964 г.
Формат бумаги 84×108¹/₁₆. Бум. л. 0.5.
Печ. л. 1. Тираж 150 000 экз.
Зак. 2630. Цена 1 руб.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.

«Кругозор»
проводит
фотоконкурс.
Каждый
читатель —
фотокорреспондент.
Ваши
темы:
труд,
мечты,
поэзия,
природа...
Лучшим
работам —
страницы
журнала.

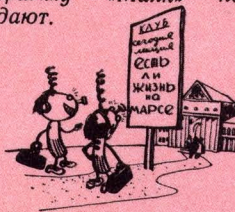

Рисунки Е. Горохова и В. Воеводина

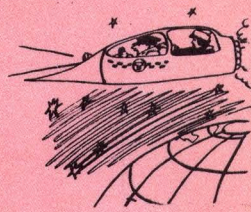
— Давно ночью не спишь?

— С тех пор, как программу «Маяк» передают.

Марсиане:

— Конечно, нет! Они не знают наших жен...

— И это вы называете кратчайшим путем на Арбат!

ИСТОРИИ ОБ ИСТОРИИ

Ф. КРИВИН

Гомер

А ведь старик Гомер был когда-то молодым человеком. Он пел о могучем Ахилле, хитроумном Одиссее и Елене, женщине мифической красоты.

— Вы знаете, в этом Гомере кое-что есть, — говорили древние греки. — Но пусть поживет с наше — посмотрим, что он тогда запоет.

И Гомер жил, хотя многие теперь в этом сомневаются. И он пел — в этом теперь не сомневается никто. Но для древних греков он был просто способный молодой поэт, который сочинил неплохие поэмы — «Илиаду» и «Одиссею».

Ему нужно было состариться и даже ослепнуть для того, чтобы в него поверили.

Для того, чтобы сказали о нем:

— О, Гомер! Он так хорошо видит жизни!

Гулливер у лиллипутов

Если бы у лиллипутов не было Гулливера, то как бы лиллипуты писали свою историю?

Но у лиллипутов был Гулливер...

«Лемюэль Гулливер, лиллипут по рождению, воспитанию и вероисповеданию. Происходил из довольно низкого рода, но сумел подняться до невиданных высот и высоко поднять знамя нашей великой, славной Лиллипутии...»

Лиллипуты читают и вырастают в собственных глазах.

Цена 1 руб.

